

Рекомендации нобелиата экономике России, или Как нам реализовать конкурентные преимущества

Козырев Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
Кандидат экономических наук, доцент
kosyrew@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам реализации конкурентных преимуществ России и ее регионов в «эпоху турбулентности». Оценивается вклад нобелевского лауреата А. Дитона в развитие экономической теории и практики, возможность применения его рекомендаций для решения задач выхода из сложнейшей экономической ситуации в современной России. Автором предлагается собственное видение проблемы реализации конкурентных преимуществ, намечаются отдельные приоритеты и цели формируемой Стратегии развития страны до 2030 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

благополучие, благополучие, здоровье, бедность, богатство, социальное неравенство, конкурентное преимущество, Angus Deaton

Kozyrev A. A.

Recommendations of the Nobel Laureate on Economy to Russia or How Can We Realize Competitive Advantages

Kozyrev Aleksandr Aleksandrovich

North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
PhD in Economy, Associate Professor
kosyrew@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with problems of implementation of the competitive advantages of Russia and its regions in the «age of turbulence». The contribution of the Nobel Prize winner A. Deaton to the development of economic theory and practice, the application of its recommendations to solve the problems out of the difficult economic situation in Russia. The author offers his own view of the problem of realization of competitive advantages, outlined some priorities and goals formed the Country Development Strategy till 2030.

KEYWORDS

welfare, wellbeing, health, poverty, wealth, social inequality, competitive advantage, Angus Deaton

В XX веке мир стал свидетелем многих ужасных событий, в которых Россия пострадала больше остальных. Политические потрясения, две мировые войны, распад коммунистической системы — все это не могло остаться без последствий и привело к падению жизненного уровня и увеличению смертности населения страны... Колоссальный исторический прогресс вселяет в нас надежду на лучшее будущее.

А. Дитон, нобелевский лауреат по экономике

В соответствии с Законом о стратегическом планировании в 2016 г. должна быть принята Стратегия развития до 2030 г. Каким будет данный документ? Насколько реальны будут поставленные в нем приоритеты и цели?

Насколько будут учтены наличные и предполагаемые конкурентные преимущества, как на национальном, так и на региональном уровне? В настоящей статье мы попытаемся ответить на данные вопросы.

В конце 2015 г. наша страна поднялась на 8 позиций и заняла 45-е место в ежегодном рейтинге глобальной конкурентоспособности стран, подготовленном Всемирным экономическим форумом. К сожалению, этот показатель не был результатом экономического прорыва, а стал следствием изменения методики оценки одного из 113 показателей рейтинга — странового ВВП по паритету покупательной способности. Остальные же показатели рейтинга ВЭФ либо заметно ухудшились (как образование и здравоохранение), либо с незначительными отклонениями остались на прежних уровнях. Некоторые (такие принципиальные, как качество и развитие институтов) занимают весьма низкие позиции¹. И эти обстоятельства весьма печальны, ибо показатель конкурентоспособности страны на мировой арене четко отражает состояние дел в экономике данной страны, наличие условий для конкуренции в ее реальных отраслях.

Если к этому добавить, что в России последних лет проявился целый ряд кризисных явлений (помимо собственно глобального кризиса): кризис модели экономического роста России 2000-х гг.; обострение геополитической обстановки; внешний шок от предпринятых против России отраслевых санкций, прежде всего в финансовой сфере; внешний шок в результате падения цен на нефть; валютный кризис как результат двойного внешнего шока (прежде всего падения цен на нефть, но отчасти и финансовых санкций); циклическое снижение, связанное со снижением инвестиционной активности; демографический кризис как сокращение численности населения в трудоспособном возрасте — можно оценить сложность решаемых задач [9].

Возникает закономерный вопрос: что можно сделать для того, чтобы в этих сложнейших условиях «эпохи турбулентности», «турбулентного десятилетия»² и последующего выхода из состояния турбулентности более эффективно реализовать имеющиеся конкурентные преимущества, одновременно формируя новые?

На наш взгляд, весьма целесообразно обратиться к рекомендациям нобелевского лауреата Ангуса Дитона (Angus Stewart Deaton), англо-американского экономиста, профессора экономики и международных отношений Принстонского университета и Школы общественных и международных отношений им. Вудро Вильсона. «За анализ потребления, бедности и благосостояния» — именно с такой формулировкой А. Дитону была присвоена самая престижная награда в области экономики.

Отметим, что у нобелиата нет работы, специально посвященной исследованиям экономическим и социальным проблемам нашей страны, но есть целый ряд исследований, посвященных развивающимся экономикам, где остро стоят проблемы преодоления бедности. Оправданность подобного подхода будет очевидной, если мы будем исходить из двух посылок: Россия — бедная страна и Россия — богатая страна.

Итак, первая посылка: Россия — бедная страна. В смысле — страна со значительной частью бедного населения. Именно для таких стран и разрабатывал свои рекомендации Ангус Дитон.

¹ Несветов Д. Прорыв в никуда: как конкурентоспособность России растет только на бумаге [Электронный ресурс]. РБК. Ежедневная деловая газета. 2015. 2 октября URL: <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949997458547> (дата обращения: 02.10.2015).

² Понятия и характеристики «турбулентной эпохи», «турбулентного десятилетия» (2009–2018) даны В. А. Мау в книге «Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности» [8].

Как нам представляется, сегодня необходимо открыто признать стыдливо замалчиваемый факт, что Россия является бедной страной. Это означает, что значительная часть нашего населения является бедным. Причем, ситуация существенным образом не меняется.

Вот цифры. По данным декабрьского доклада о человеческом развитии Аналитического центра при Правительстве РФ, к 2013 г. крайняя бедность в РФ (в Декларации тысячелетия ООН — доля населения с доходами ниже 1,25 и ниже 2,5 долл. в день с учетом паритета покупательной способности) была ликвидирована. Сокращались и ее усредненные официальные показатели: доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума с начала века к 2013 г. сократилась вдвое — до 10,8%, а уровень крайней бедности (доля граждан с доходами менее его половины) к 2014 г. — почти в 4 раза, до 1,1%. Казалось бы, весьма позитивные факты.

Однако за то же время уровень детской бедности (до 16 лет) вырос на 4,3 п. п. — до 28,7% в 2014 г. от общего числа малоимущих. Если же пользоваться методикой оценки уровня бедности, принятой в мире (доля граждан, получающих менее половины медианного среднедушевого денежного дохода), то он увеличился с 17,5% в 2001 г. до 18,5% в 2014 г.

На основании многокритериальной оценки уровня бедности, которая помимо монетарных характеристик измеряет ограничения в доступе к основным социальным благам, в первую очередь к образованию и занятости, ситуация выглядит не лучше. Так, доля социальных групп, у которых все характеристики — материально-имущественные (доходы, сбережения, движимое и недвижимое имущество), социально-профессиональные (образование и наличие регулярной занятости), субъективные (самооценка социального самочувствия) — находятся на минимальном уровне, в России составляет около 10%, причем эта доля практически не менялась на протяжении 15-летнего периода.

Более того, согласно многокритериальной оценке в случае затяжной рецессии почти 30% российских домохозяйств имеют высокие риски бедности и при неблагоприятных социально-экономических сценариях могут пополнить ряды бедных [2, с. 175–186].

Вторая посылка — не противоречащая первой: Россия — богатая страна. Вспомним слова о нашей стране, сказанные В. В. Путиным в бытность еще премьером: «богатая страна бедных людей».

Россия является одним из самых больших по территории государств мира с площадью — 17125407 км². Однако это конкурентное преимущество используется явно недостаточно. Как отмечает А. Дитон, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) используют только «определенные преимущества» своих размеров.

Как нам представляется, одним из направлений реализации данного конкурентного преимущества является развитие туристско-рекреационной сферы. Однако действующая с 2011 г. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», призванная «повысить конкурентоспособность отечественного туристского рынка, создать условия для развития туристской инфраструктуры, привлечь инвестиции в отрасль», страдает отсутствием стратегического видения проблемы и путей ее решения. Реализация этой программы, предусматривающей строительство 152 объектов инфраструктуры на территории 28 регионов страны, идет очень медленно и непрозрачно. Практически отсутствует информация о состоянии дел в туристско-рекреационных зонах РФ. На сайте Ростуризма в разделе «Региональные целевые программы развития туризма в субъектах РФ» нам удалось обнаружить программы развития туризма только 3 (!) областей (Вологодской, Нижегородской и Новгородской).

По данным делового американского сайта 24/7 Wall St. (24/7 Уолл-стрит), исследовавшего позиции стран с самыми большими и ценными природными ресурсами на Земле, Россия занимает первое место среди всех стран мира по количеству запасов природного газа (27,5%) и древесины, второе место в мире по величине месторождений угля и редкоземельных минералов (редкоземельные минералы в настоящее время не добываются). На третьем месте по месторождениям золота. Общая стоимость ресурсов оценивается в 75,7 трлн долл. (у занимающих второе место США — 45 трлн долл.)¹.

Действительно, по разнообразию и величине природно-ресурсного потенциала Россия опережает многие страны. У нас почти идеально (55:45%) соотношение промышленных и сельскохозяйственных ресурсов. Велики запасы пресной воды, дефицит которой уже через 20–30 лет неизбежно приобретает глобальные масштабы и существенным образом повлияет на развитие мировой экономики. По оценкам специалистов, именно производство водоемкой продукции (рынок водоемкой продукции — это рынок продукции, а не сырья) станет доминирующим направлением для российской экономики в «постнефтяной» период [3, с. 55].

Природно-ресурсный потенциал является мощнейшим источником конкурентных преимуществ как всей страны, так и ее отдельных регионов. Так, живущий на нефти Катар, является одной из самых богатых стран мира (ВВП — 88 тыс. долл. на душу населения). Но, с другой стороны, еще одно государство Африки, богатое нефтью, — Ангола — имеет ВВП на душу населения около 6 тыс. долл. Следовательно, проблема состоит не столько в наличии или отсутствии подобного потенциала, а в способности его рационально использовать, а это уже проблема управления, политико-экономическая проблема.

«An Almost Ideal Demand System» («Почти идеальная система спроса»)

Нобелевская премия по экономике была присуждена Ангусу Дитону за его многолетние исследования потребления, бедности и благосостояния. Как сообщается на официальном сайте Нобелевского комитета, «чтобы формировать экономическую политику, которая обеспечивала богатство общества и способствовала сокращению бедности, нужно понимать причины потребительского выбора. Больше, чем кто бы то ни было, Ангус Дитон продвинулся в этом».

Нобелевский комитет назвал одним из главных направлений деятельности своего лауреата создание в соавторстве с Джоном Мюльбауером так называемой «идеальной системы спроса». Результаты их исследования были опубликованы в 1980 г. в работе «An Almost Ideal Demand System» [17].

Предложенная учеными модель «почти идеальной системы спроса» (AIDS) описывает динамику структуры потребления на микроуровне — на уровне реальных домохозяйств. Она показывает в динамике, как и на что расходуются средства, как происходит замещение одних товаров другими, что зависит и от уровня дохода, и от принадлежности к той или иной социальной группе, и от возраста, и от состава домохозяйства.

Подобный подход позволил пересмотреть базовые модели, описывающие зависимость потребления (и сбережений) от уровня дохода, которые создали в 1950-е гг. макроэкономисты-кейнсианцы Милтон Фридман и Франко Модильяни. Они предложили для прогнозирования спроса на потребительских рынках модели Permanent Income Hypothesis и Life-Cycle Model, основанные на представлении об идеальном «среднем

¹ The World's Most Resource-Rich Countries [Электронный ресурс]. 24/7 Wall St. URL: <http://top-rating.info/catalog/1/210/> (дата обращения: 25.12.2015).

(типичном) потребителе» с использованием агрегированных показателей спроса и модели изменения нормы сбережений. Дж. М. Кейнс утверждал, что предельная склонность к потреблению в функции потребления принимает значение от нуля до единицы. Средняя склонность к потреблению снижается по мере роста дохода, а текущий располагаемый доход важнейший, влияющий на потребление, фактор. Исследования функции потребления Ф. Модильяни и М. Фридмана, основанные на микроэкономической модели поведения потребителя И. Фишера, объясняли уровень потребления, выбираемый потребителем в настоящий момент времени и на будущее, достигая на протяжении жизни наивысшего возможного уровня благосостояния. Макроэкономисты-кейнсианцы, в теориях жизненного цикла и постоянного дохода, разрешили противоречия, возникшие относительно функции потребления, поскольку определили дополнительные факторы, влияющие в долгосрочном и краткосрочном периоде на уровень потребления. К таким факторам были отнесены: ожидаемый будущий доход, постоянный доход, случайный доход, накопленное богатство, ставка процента.

А. Дитон пошел дальше: выявил взаимосвязи между макроэкономическими показателями и индивидуальным потреблением. Он доказал, что подход, основанный на «усредненных» представлениях о тратах/сбережениях потребителя, приводит к значительным управленческим ошибкам на макроуровне.

Дитон предлагает изучать не усредненного, а конкретного потребителя. К примеру, он доказывает, что только на индивидуальном уровне можно увидеть тот факт, что молодые потребители часто тратят больше, чем зарабатывают, а пожилые — наоборот. Тогда на основании демографического прогноза, можно прогнозировать грядущие траты потребителей.

Проводимые А. Дитоном по собственной методике «микрорепериси» домохозяйств позволили увидеть парадоксальные явления. Описанные в научной литературе, они получили название «Парадокс Дитона», называемый также «избыточным сглаживанием». Его суть заключается в том, что жесткой прямой зависимости между динамикой объемов потребления и динамикой совокупного дохода не существует. Как показал Дитон, в действительности люди ведут себя в соответствии с собственными ожиданиями того, как будут меняться их доходы. Очень часто бывает так, что потребление повышается больше, чем растут текущие доходы, так как люди ожидают, что их доходы и дальше будут увеличиваться. Кроме того, он показал, что по мере того, как люди стареют, с точки зрения потребления они становятся все более похожими друг на друга. Таким образом, потребление пожилых людей является более или менее стабильным в этот период их жизни.

Практическая значимость исследований Дитона очевидна. Разработанная им и Д. Мюльбауером модель AIDS доказала свою эффективность для ряда направлений исследований в экономике: изучение инфляции для разных доходных групп, экономики семейных отношений, внутристрановой (региональной) бедности и т. д. Во многих государствах она используется для оценки влияния на потребителей различного вида налогов: изменения НДС, налога с продаж, налогов на загрязнение среды и на транспорт.

Как нам представляется, выводы и рекомендации, содержащиеся в статьях Дитона 1990-х гг., крайне актуальны для исследований спроса, потребления и сбережений в современной России, особенно в связи с падением реальных располагаемых доходов в России в 2014–2015 гг., когда норма сбережений была весьма нестабильной. Совершенно очевидно, что именно падение спроса, реальное снижение покупательной способности особо губительно для отечественной экономики.

Таким образом, можно сделать вывод: Дитон занимается значимыми проблемами потребительского спроса, что вносит вклад в анализ сущности и закономерностей поведения определенных экономических агентов. Исследуя существенные

различия в потребительских стратегиях различных социальных групп населения, он доказывает необходимость их изучения и учета при разработке эффективной экономической и социальной политики. Кроме того, динамика реальных предпочтений домохозяйств с разнящимся доходом позволяет прогнозировать будущее поведение потребителей, в частности в сфере траты/сбережения. «Идеальная система спроса» остается общепризнанным методом изучения последствий экономической политики, индексов инфляции, а также сравнения состояния и динамики покупательной способности населения в различных странах мира.

Благосостояние

Изучение проблем благосостояния — еще одно из направлений исследований А. Дитона, отмеченных Нобелевским комитетом.

Сущность понятия «благосостояние» Дитон раскрывает следующим образом: «Термином “благосостояние” я обозначаю все то, что полезно для человека, что позволяет сделать его жизнь достойной. Под благосостоянием понимается материальное благосостояние, включающее доход и имущественное положение; физическое и психологическое благополучие, выраженное в состоянии здоровья и счастья; образование и возможность принимать участие в жизни гражданского общества в условиях демократии и верховенства закона» [5, с. 41].

Ограниченность наших знаний о проблемах благосостояния нобелевский лауреат видит в том, что оно до сих пор оценивается по усредненным показателям, без учета неравенства, оценивается «лишь по одной или нескольким составляющим его частям, не рассматривая как единое целое» [5, с. 25]. Но одному человеку это сделать не по силам.

Поэтому Дитон оговаривается: его интересует в основном экономическая составляющая благосостояния. Другие важные компоненты благосостояния, такие, как свобода, состояние здоровья, ожидаемая продолжительность жизни или уровень образования — все они так или иначе связаны с доходом и потреблением, но не могут быть адекватно отражены каким-либо простым денежным показателем¹.

Совместно с психологом Даниэлем Канеманом (нобелевский лауреат 2002 г., один из основоположников психологической экономической теории) Дитон провел исследование о том, какой ежегодный доход на семью люди считают оптимальным с точки зрения соотношения качества жизни и стрессов. Результаты исследования были опубликованы в статье «Высокие доходы улучшают оценку жизни, но не эмоциональное благосостояние». Изучалось представление о счастье, которое понималось как «удовлетворенность тем, как протекает ваша жизнь»².

Вводя понятие «субъективное благополучие», американские ученые предлагают рассматривать в нем два аспекта: ощущение (чувство) благополучия, возникающее у человека в его каждодневном опыте (частота и интенсивность событий радости, напряжения, печали, гнева и т. д.) и представления людей о счастье («жизненная оценка»). Причем, эмоциональная составляющая измерялась вопросами об эмоциональных событиях «вчера», а жизненная оценка — шкалой Хедли Кентрила³.

¹ Дитон А., Заиди С. Принципы построения агрегированных показателей потребления в целях анализа благосостояния. [Электронный ресурс]. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPA/Resources/429966-1092778639630/DeatonZaidi-Russian.pdf> (дата обращения: 25.12.2015).

² Kahneman D. and Deaton A. 2010. «High Income Improves Evaluation of Life but Not Emotional Well-Being». Proceedings of the National Academy of Sciences 107 (38): 16489–16493. [Электронный ресурс]. URL: <http://scholar.princeton.edu/deaton/publications/high-income-improves-evaluation-life-not-emotional-well-being> (дата обращения: 25.12.2015).

³ Шкала Хедли Кентрила используется для расчета Индекса счастья. При вычислении учитывается социальная поддержка, ВВП на душу населения, продолжительность полноценной здоровой жизни,

Согласно результатам исследования, проведенного в 2008–2009 гг. и основанного на изучении Институтом Гэллага мнения примерно 450 тыс. респондентов, в США таким порогом являются 75 тыс. долл. в год на семью из 4 человек. При превышении этой планки количество стрессов увеличивается, а денежный доход часто перестает приносить удовлетворение. Дитон и Канеман эмпирически доказали, что высокий уровень доходов коррелирует с продолжительностью жизни, а не с самооценкой благосостояния. Таким образом, «чем сильнее годовой доход переваливает за цифру 75 тыс. долл., тем меньше его обладателя радуют простые человеческие удовольствия: вкусная еда, общение с друзьями и близкими, путешествия. Иными словами, все то, что дает нам ощущение эмоционального комфорта и счастья. Результаты, которые мы получили, еще раз доказали: гармония, в данном случае финансовая, всегда лучше, чем недостаток или переизбыток».

А. Дитон и Д. Канеман считают, что при доходе менее 75 тыс. долл. в год (6 тыс. 250 долл. в месяц) жизненные неурядицы воспринимаются более эмоционально, являются серьезным источником стресса. Таким образом, респонденты высказались за то, что доход 75 тыс. долл. в год достаточен, чтобы не получить тяжелый стресс от развода или переживаний о том, что у тебя не самый большой дом среди соседей и не самый быстрый автомобиль, и так далее. Исследование показало, например, что возможность развода чаще беспокоит тех, кто зарабатывает менее 1 тыс. долл. в месяц, и реже тех, у кого заработок превышает 3 тыс. долл.

Книга А. Дитона «Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства» вышла в 2013 г. Под «великим побегом» он подразумевает избавление человечества от бедности и болезней, который некоторые страны уже совершили, другие пытаются осуществить сейчас, а наименее удачливым только предстоит его начать.

В течение тысячелетий миллионы людей если не умирали в детстве, то влачили жизнь в нищете. До трети населения средневековой Европы скашивали эпидемии чумы. Всего два века назад свирепствовала оспа. Еще до середины 1920-х годов прошлого века европейцев и американцев косил диабет, до середины 1940-х — туберкулез, в начале 1950-х детей калечил полиомиелит. Мы продвигались вперед с боями (которые вели наука, медицина и общество), и вот результат: с 1900-х гг. до нашего времени средняя продолжительность жизни в развитых странах увеличилась на 30 лет! Если эта тенденция сохранится, то к 2050 г. в Японии и в Австралии средняя продолжительность жизни достигнет 100 лет! Еще в 1981 г. 42% населения Земли вынуждено было жить на 1 долл. в день. Сейчас — только 14%, — пишет он в своей книге.

Важнейшим компонентом благосостояния является состояние здоровья. Этой проблемой А. Дитон занимался как самостоятельно, так и в соавторстве на протяжении всей своей творческой жизни. Особенно очевиден его интерес к данной проблематике в последние годы.

Результаты исследований Дитона убедительно доказывают, что во всем мире происходит снижение детской смертности. Это происходит за счет улучшения «общих условий — появления чистой воды, санитарных условий, вакцинации и уничтожения вредителей-источников болезней». Но «как только эти „низко висящие“ плоды сорваны... дальнейшие улучшения в области здоровья должны происходить за счет снижения взрослой смертности, а это означает снижение количества случаев сердечно-сосудистых заболеваний и рака» [4, с. 87].

Исследования Дитона обнаружили довольно интересный аспект данной проблемы, описанный им в соавторстве с Энн Кейс в статье «Рост заболеваемости и смертности в середине жизни среди белых неиспаноязычных американцев в XXI сто-

свобода выбора, уровень коррупции в государстве, щедрость и благотворительность. Минимальная оценка — 0, а максимальная — 10 баллов.

летию» (2015) [1]. Констатируемый в названии работы факт является выводом проделанного учеными анализа данных американской статистики за 15 лет (1999–2013). Статистика показала заметное увеличение смертности от всех причин в среднем возрасте белых неиспаноязычных мужчин и женщин. В других возрастных, расовых и этических группах в указанный период времени происходило снижение смертности. Причем это явление, не затронувшее другие развитые страны, отмечено только в США. Анализ причин смертности показал, что рост данного показателя произошел из-за увеличения смертности от наркотиков и алкогольного отравления, самоубийств, хронических заболеваний печени и цирроза. Специально отмечалась такая причина смертности, как повышение с конца 1990-х гг. доступности опиоидсодержащих препаратов, рецепты на которые выдавались тяжелобольным для обезболивания. Причем, как отмечают исследователи, ужесточение контроля за выдачей опиоидных рецептов привело к росту употребления героина, даже в тех районах, где он ранее был неизвестным. Нынешнее поколение действительно может стать «потерянным», утверждают Кейс и Дитон, если правительство США не примет ряд соответствующих мер по запрещению опиатов и пресечет массовое злоупотребление ими.

В статье «Две головоломки (загадки) о счастье» продолжается анализ темы благосостояния¹. В частности, рассматривается показатель субъективного благополучия (SWB), его связь с представлением о счастье, иными социокультурными факторами. К примеру, показана прямая и вполне объяснимая зависимость чувства благополучия от уровня религиозности. Но в то же время отмечена прямая зависимость между уровнем религиозности и показателями асоциального и девиантного поведения: преступности, разводов, венерических заболеваний, подростковой беременности и т. д. Причину подобного факта Дитон объясняет тем, что высокая религиозность в неблагополучной ситуации является не причиной неблагополучия, а его следствием, реакцией на чужеродную враждебную среду. Отмечается и более низкая удовлетворенность жизнью у людей, которые имеют детей, хотя при опросах такие респонденты всегда отвечают, что дети приносят им радость и счастье.

Как нам представляется, оценки и выводы объективных и субъективных показателей благосостояния, сделанные в работах А. Дитона, могут быть с успехом применены при исследовании качества жизни как отдельных людей, так и социальных групп в нашей стране. Результаты таких исследований могут быть основой для прогнозирования социальной напряженности, изучения динамики социального самочувствия и качества жизни. Эти показатели должны стать неотъемлемой частью программ мониторинга реализации стратегий развития всех уровней.

«Из леса мы еще не вышли»

Основная проблема, изучением которой занимается А. Дитон, — это проблема бедности и голода. По данным Всемирного банка, сегодня около 17% населения Земли живет менее чем на 1,25 долл. в день. И хотя в последние десятилетия численность бедных неуклонно сокращается, проблема бедности, как внутристрановая, так и межстрановая продолжает сохраняться.

В России сегодня почти 22,9 млн человек получают доход ниже прожиточного минимума. Только за I полугодие 2015 г. число россиян с доходом ниже прожи-

¹ Deaton A., Stone Arthur A. (2013). «Two Happiness Puzzles». *American Economic Review*, 103(3): 591–97 [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.103.3.591> (дата обращения: 25.12.2015).

точного минимума (менее 10 тыс. руб. в месяц) выросло с 18,9 до 21,7 млн человек (15,1% от населения страны). Реальное снижение покупательной способности пенсий в 2016 г. затронет 40–45% российских семей [12].

Весьма актуальна для современного мира и проблема голода, об этом говорят следующие цифры и факты. Сегодня почти каждый второй человек на планете голодает. Причем непосредственно от отсутствия пищи страдают только 900 млн, а остальные 2 млрд — от скрытого голода, недостатка в питании витаминов и минералов. В этом плане зажиточный американец, сидящий на гамбургерах и пицце, мало отличается от индийца, питающегося рисом и кукурузой, или русско-го, потребляющего колбасу с макаронами и майонезом, — все они одинаково голодные. По данным Всемирного банка, от болезней и снижения производительности труда, к которым приводит скрытый голод, мировая экономика теряет почти 5%, или 4 трлн долл. ежегодно [11].

Сама постановка проблемы далеко не нова. Столетие назад именно так, как это сделал Дитон, ее сформулировал российский социолог Питирим Александрович Сорокин в своем труде «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Работа отечественного мыслителя посвящалась анализу «социальной роли питания вообще и голода, в частности».

Знал ли Дитон об этой работе? Скорее всего, нет. Дело в том, что она была уничтожена цензурой сразу же после эмиграции Сорокина из страны (1922). А вот с другой работой Сорокина, в которую включался текст первой, мог быть знаком. Тем более труд «Человек и общество в условиях бедствий» (1942), написанный П. А. Сорокиным уже в США, был переведен его женой на английский язык [13].

Даже если Дитон не был знаком с данным трудом Сорокина, остается поражаться тому, насколько совпадает логика исследования российско-американского и англо-американского ученого. Привлекая обширный исторический, статистический материал оба показывают, как влияет голод на организм отдельного индивида, затем воздействие голода рассматривается в масштабе всего общества, и в результате делается прогноз о страшных социальных последствиях голода. В частности, П. А. Сорокин, называя голод «социальным монстром», показывает, как этот монстр связан тесными узами с другими исследуемыми им «социальными монстрами» — войной, революцией, эпидемией. Он утверждает, что существует функциональная связь между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии. С изменением первой «независимой переменной» (*ceteris paribus*) меняется и «идеология общества», и меняется в том же направлении. Таким образом, голод должен вызывать появление, развитие и успешную прививку коммунистически-социалистически-уравнительных рефлексов, в частности рефлексов речевых и субвокальных (убеждений), иными словами, «коммунистически-социалистической идеологии». Последняя в таких голодных массах находит прекрасную среду для прививки и распространения и будет «заражать» их с быстротой сильнейшей эпидемии. Совершенно не важно, под каким соусом она будет подана и как обоснована: по методу ли Маркса или Христа, по системе ли Бабефа—Руссо, и якобинцев, или по системе Катилины, и анабаптистов, на принципе ли «прибавочной ценности» и «материалистического понимания истории», или на принципе Евангелия: «кто имеет две рубашки — пусть отдаст одну неимущему» [18, с. 368].

До исследований А. Дитона в науке доминировали два основных метода определения благосостояния и бедности. Первый — расчет среднего дохода на основе данных официальной статистики, знаменитая «средняя температура по больнице». Применяя данный метод, экономисты осознавали приблизительность своих расчетов, учитывающих только «белую» заработную плату без каких-либо колебаний,

к примеру, сезонных. Другой метод, более тонкий, предполагает расчет объема потребления на индивидуальном уровне.

Именно данный метод и совершенствовал А. Дитон. Он предложил ряд собственных методик анализа значительного массива данных о реально существующих потребительских расходах на уровне домохозяйств и их групп.

Разработанный Дитоном подход позволил, к примеру, на основе оценки потребления в килокалориях, более точно определить понятие «бедность». Особое практическое значение это имело для развивающихся стран, ибо стало понятно, что «черта бедности» не может быть одинаковой для всех стран и выражаться цифрой минимального дохода «на душу населения». К примеру, основываясь на том факте, что в реальном домохозяйстве дети потребляют меньше, чем взрослые, Дитон в цифрах показал, что в странах с высоким уровнем рождаемости (детей больше, чем взрослых) показатель среднего дохода на человека не способен адекватно отразить реально существующую ситуацию. Он также первым предложил считать расходы на детей и самих детей в 30–40% от расходов на взрослого человека, что заставило крупные международные организации пересчитать уровень жизни в ряде развивающихся стран.

Практическая реализация методов, разработанных Дитоном, имеет большое значение в деятельности международных организаций, оказывающих помощь развивающимся странам. По словам Дитона, зная, на покупку каких товаров домохозяйства направляют дополнительные доходы, полученные от зарубежных доноров, можно гораздо лучше организовать процесс оказания помощи, максимально улучшая эффект и обеспечив целевое использование выделенных средств. Сегодня микроэкономические исследования бедности на основе изучения конкретных домохозяйств являются общепризнанными в деятельности Всемирного банка, экономического блока правительств многих развивающихся стран.

Проблема бедности остается актуальной и для России. Высокий уровень инфляции, низкие темпы роста номинальной заработной платы, сокращение государственных расходов на социальные выплаты в регионах и обесценение пенсий в реальном выражении — это, пожалуй, основные причины роста показателя бедности в последние годы. Для решения данной проблемы сделано немало. К примеру, Минтруд предлагает направить 5 млрд руб. на обучение и стажировку уволенных или рискующих потерять работу, возмещение затрат на трудоустройство инвалидов, поддержку и сопровождение самозанятости и организации собственного дела безработными и лицами, ищущими работу, создание рабочих мест, возмещение работодателям затрат, связанных с трудоустройством, сопровождением и адаптацией инвалидов на рабочих местах. Однако эти и подобные им меры носят бессистемный, а порой и просто чрезвычайный характер.

Как нам представляется, в создавшихся условиях необходимо разработать национальную *Стратегию ликвидации бедности*, реализовав ее на региональном уровне в Программах борьбы с бедностью. Программы будут конкретизировать приоритеты и цели национальной стратегии, указывая практические меры и сроки их реализации. Подобный документ должен связать воедино все документы, в той или иной степени направленные на преодоление бедности. К примеру, региональную программу повышения мобильности трудовых ресурсов, программу содействия занятости и т. д.

После получения награды за свои исследования ученый отметил, что число крайне бедных в мире сократилось за последние 20 лет, и, по его прогнозам, эта тенденция продолжится. Однако Дитон подчеркнул, что не хочет при этом выглядеть «слепым оптимистом». «Вместе с тем, как я полагаю, ситуация станет лучше. Необходимо помнить, что „из леса мы еще не вышли“», — отметил ученый.

«Ловушка бедности», или нужна ли помощь развивающимся странам

Нобелевский комитет особо отмечает работы А. Дитона за последние 15–20 лет, посвященные проблематике бедности в развивающихся странах. Специалисты подчеркивают большой вклад А. Дитона в понимание и измерение масштабов нищеты в мире. Так, известный американский экономист А. Табаррок пишет: «Если вы хотите знать, откуда мы знаем, что уровень нищеты в мире впервые опустится ниже 10%, то ответ прост — из работ Дитона, основанных на обследовании домохозяйств, сборе данных и измерении благосостояния»¹.

Создание Дитоном методологии — микропереписи домохозяйств и обобщениях на их основании — имеет большое практическое значение для развивающихся стран. До работ Дитона в исследованиях проблем бедности доминировали лонгитюдные (долгосрочные) панельные исследования, предполагающие работу с одной и той же по составу выборкой. Однако со временем состав выборки мог измениться весьма существенным образом: люди умирали, мигрировали и т. д., что делало выборку нерепрезентативной и приводило к кардинальным изменениям в получаемых результатах.

Нобелевский лауреат предложил применять в оценке потребления в развивающихся экономиках так называемые «перекрестные данные» — оценку затрат социальных групп, а не конкретных домохозяйств. Так, в развивающихся странах им проводились повторяющиеся замеры уровня и качества потребления определенных групп ровесников. Преимущества здесь очевидны: их проще опрашивать, у них формируется некий определенный тип потребления. Задача исследователя состоит только в том, чтобы проследить динамику зависимости потребления от колебаний показателей экономического роста [15].

На основании значительных эмпирических данных А. Дитону удалось доказать, что в развивающихся странах практически отсутствует гендерное неравенство. Так, например, считалось, что мальчикам в многодетных бедных семьях достается все самое лучшее, ибо они рассматриваются как будущие кормильцы. На основе анализа потребления таких товаров, как алкоголь, табак, одежда, Дитон показал, что траты в таких семьях на мальчиков и девочек разнятся в очень незначительной степени.

Исследования А. Дитона подвергли критике концепцию «ловушки бедности». Ее суть коротко можно сформулировать так: низкий уровень жизни, низкая производительность труда в развивающихся странах обусловлена бедностью, необеспеченностью их населения продуктами питания.

Результаты исследований Дитона показали, что уровень экономического развития этих стран не зависит от качества питания. Зависимость как раз обратная: низкий уровень доходов порождает и некачественное питание, и высокую заболеваемость. Поэтому помощь таким странам в виде прямых поставок продовольствия — не эффективна. Вместо «рыбы» они нуждаются в «удочке».

Он последовательно выступает за распространение в развивающихся странах элементарных медицинских знаний, создание системы социальной гигиены. Так, в книге «Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства» Дитон отмечает, что за последние 200 лет человечество совершило мощный рывок в развитии здравоохранения и повышении благосостояния людей. Но этот «побег» от бедности и болезней не устранил, а только увеличил разрыв между развитыми и развивающимися странами. Устранение этого разрыва он видит не столько в финансовой

¹ Tabarrok A. Angus Deaton wins the Nobel [Электронный ресурс]. URL: <http://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2015/10/deaton.html> (дата обращения: 25.12.2015).

помощи бедным странам, сколько в устранении таможенных барьеров, разрешением на въезд трудовым мигрантам и созданием лекарств от тропических болезней.

Дитон рекомендует правительствам развитых стран сократить бюджеты, выделяемые на оказание помощи странам «третьего мира». Он обосновывает свою рекомендацию тем, что эта помощь не способствует экономическому росту стран-получателей. Более того, она становится тормозом на пути развития стран, она развращает институциональные системы, позволяя руководителям этих стран править без поддержки населения, так как нет необходимости взимать налоги.

Жесткая позиция, занимаемая Дитоном по вопросу помощи развивающимся странам, вызывала и продолжает вызывать критику со стороны западных ученых. Так, Чарльз Кенни, сотрудник Центра мирового развития, пишет: в бедных странах с неразвитыми институтами помощь заменяет налоги примерно один к одному, но в среднем для стран-получателей каждый доллар полученной помощи снижает собираемые правительством налоги всего на девять центов. Также существуют свидетельства того, что даже в странах, зависящих от финансовой помощи и имеющих слабую систему управления, помощь иногда способствует созданию элементарной системы здравоохранения. За период с 2004 г. по 2010 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни в Афганистане увеличилась с 42 до 62 лет, в немалой степени благодаря программе, финансируемой Агентством США по международному развитию и проводимой министерством здравоохранения. Благодаря этой программе 90 процентов населения получило базовые медицинские услуги [7, с. 54].

Есть также и те, кто поддерживает позицию А. Дитона. Так, известный российско-американский ученый В.Л. Квинт в своей книге пишет, что на протяжении многих лет население слаборазвитых и развивающихся стран получало иностранную помощь, а не инвестиции. А если это и были инвестиции, то первостепенным приоритетом иностранных инвесторов было получение прибыли. Кроме того, одна из основных проблем внешней помощи, поступающей в любой форме: питание, одежда, образовательные, медицинские и другие услуги или оборудование, связана с ее надлежащим распределением, что в данных странах осуществляется неэффективно [6, с. 475–476]. Также как и Дитон, В.Л. Квинт называет причиной сложившейся ситуации — неэффективность управления, неэффективность власти. Он высоко оценивает предложение Дитона по микрокредитованию этих стран, предназначенному для решения проблем крайней бедности, болезней и повышения качества жизни.

В оценке перспектив развития этих стран Дитон остается осторожным оптимистом. «Осторожным» потому, что видит политическую нестабильность в мире, постоянно возникающие военные конфликты, которые заставляют двигаться большие массы людей. «Новую опасность колоссального масштаба», по его мнению, представляет собой неконтролируемое изменение климата.

Социальное неравенство и его глобальные последствия

Изучение проблем социального неравенства, его истоков и последствий является еще одним важнейшим направлением исследований Дитона, отмеченных Нобелевским комитетом. Насколько актуальна данная проблема показывают цифры: общее состояние более 3,6 млрд чел., составляющих беднейшую часть населения Земли, с 2010 г. уменьшилось более чем на трлн. долл., в то время как общее состояние 62 самых богатых человека в мире увеличилось за тот же период на 1,76 трлн долл. Эксперты полагают, что причинами растущей разницы в достатке между бедными

и богатыми являются налоговые льготы, доступные наиболее состоятельной прослойке населения, увеличение разницы наибольшей и наименьшей оплаты труда и сокращение финансового вознаграждения рабочих¹.

Велико неравенство в доходах и в современной России. В 2014 г. 28,4 млн человек (20% населения) жили на 7 тыс. руб. в месяц, а в январе — сентябре 2015 г. на них приходилось лишь 5,6% всех доходов. Но реальный уровень расслоения по доходам гораздо выше, чем принято считать в российском обществе. В октябре 2015 г. российские респонденты считали, что на долю 1% самых обеспеченных граждан России приходится 53% всех доходов, но фактический показатель — 70%, свидетельствует исследование «Ловушки восприятия-2015» Ipsos Public Affairs, которое проводилось в 33 странах².

Неравенство в доходах, разрыв между бедными и богатыми Дитон называет «одной из главных опасностей в современном экономическом строе». Процесс, который сегодня оборачивается большими проблемами, начался 250 лет назад. Именно тогда некоторые регионы мира начали устойчиво развиваться, уверенно опережая другие, что и привело к сложившемуся нынешнему состоянию неравенства.

Дитон отмечает также, что наряду с существованием традиционных неравенств по доходам, продолжают существовать иные виды социальных неравенств, например, в использовании достижений здравоохранения. В книге «Великий побег...» Дитон утверждает, что «современные, более глубокие исследования экономических данных показывают, что в то время, как большинство людей выиграли в сферах здравоохранения и здоровья вследствие роста ВВП, многие группы населения этого не получили».

Другие виды социальных неравенств, по мнению нобелиата, практически исчезают. В работе «Looking for Boy-Girl Discrimination in Household Expenditure Data» [14] он в качестве примера называет гендерное неравенство и возникающую на его основе гендерную дискриминацию. Исследовав данные опросов домохозяйств, Дитон не нашел заметных различий в паттернах потребления семей при рождении детей разного пола.

Одним из способов преодоления социальных неравенств Дитон называет миграцию. В этом он видит ее положительную, прогрессивную роль в истории человечества, выравнивании социальных неравенств. Вот только несколько цифр, приводимых в журнале Всемирного банка «Финансы и развитие»: Мигранты пересылают в свои родные страны огромные суммы денег. Например, денежные переводы составляют 9% ВВП Бангладеш, 10% ВВП Гватемалы и 23% ВВП Лесото. По меньшей мере столь же значительную роль миграционные потоки играют, содействуя потокам инвестиций, торговли и идей. Рост индийской отрасли ИТ опирался на передачу навыков из Соединенных Штатов, но рост экономики в США зависит от мигрантов, на которых приходится примерно четверть патентных заявок в стране. Здравоохранение США также зависит от остального мира, и не только в связи с угрозой пандемий, но и потому, что одна пятая часть медсестер, работающих в Соединенных Штатах, получила образование за пределами страны. По мере того как индустриальный мир стареет, спрос в нем на мигрантов будет только расти [8, с. 13].

Губительным последствием глобального неравенства Дитон называет неконтролируемую миграцию, породившую громадные потоки беженцев. «То, свидетелями

¹ Половина человечества обеднела на триллион долларов за пять лет — эксперты // Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/money/mymoney/pоловина_человечества_обеднела_на_триллион_долларов_за_пять_лет_-_эксперты (дата обращения: 25.12.2015).

² Шаповалов А. Перед нефтью все равны [Электронный ресурс]. Коммерсант. 2016. 9 января URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2884661> (дата обращения: 25.12.2015).

чего мы сегодня являемся, стало результатом неравномерного развития, которое длилось сотни лет».

Необходимо заметить, что анализ проблем неравенства — это более уязвимая для критики часть исследований Дитона. К примеру, заявляя о задаче изучения «истоков неравенства», он сосредоточил основное внимание на анализе его социальных последствий, его роли в истории человечества. Но и даже последнее сделано без достаточной глубины. В практически одновременно с «Великим побегом» вышедшей книге Т. Пикетти содержится более системный и глубокий анализ социального неравенства. Так, в частности, Пикетти делает акцент на том, что наряду с нарастанием неравенства между странами, наблюдается тенденция к усилению неравенства в распределении доходов и особенно сбережений внутри страны. Причем последнее характерно как для развитых стран, так и для «верхней» группы развивающихся экономик [16].

Особое значение для измерения проблем социального неравенства, бедности и благосостояния имеет инструментарий исследования. И в этом отношении можно отметить вклад А. Дитона. Так, для измерения уровня жизни в развитых и развивающихся странах проводились LSMS-обследования (Измерение уровня жизни, *Living Standards Measurement Survey*)¹.

В обследованиях применялись различные инструменты сбора данных:

- 1) анкета для опроса в домохозяйствах. Такой опрос обычно проводится в относительно небольшой выборке, включающей 2000 — 5000 домохозяйств; как правило, в таких обследованиях ведется сбор данных по широкому спектру вопросов, включая демографические характеристики домохозяйства, его экономическую деятельность, потребление товаров и услуг, жилищные условия, доступ к услугам и удобствам, общее состояние здоровья и уровень образования всех членов домохозяйства;
- 2) анкета для опроса сообщества. В каждом из населенных пунктов или административных единиц, где проводятся собеседования с домохозяйствами, применяется анкета для опроса сообществ. В ней аккумулируется информация о качестве инфраструктуры, доступности различных услуг и удобств в данной местности;
- 3) «ценовая» анкета. «Ценовая» анкета также применяется на уровне каждого сообщества для сбора данных о действующих ценах на широкий круг товаров и услуг, имеющих на местном рынке;
- 4) анкета опроса в образовательных и медицинских учреждениях. Эти анкеты заполняются во всех школах и медицинских учреждениях, находящихся в границах данной административной единицы; в этой анкете аккумулируется типичная информация о штатном укомплектовании, качестве инфраструктуры и о номенклатуре услуг, предлагаемых данным учреждением и т. д.

А. Дитон отмечает, что при проведении своих исследований он и соавторы сталкивались с множеством трудностей. И слабость имеющегося инструментария была одна из них. Так, к примеру, он отмечает, что результат оказания многих услуг трудно поддается измерению. Оценки статистиков в данном случае — это оценочные значения с большой погрешностью. Он пишет: «Оценка одной из самых важных услуг — выгоды от проживания в собственном доме — почти полностью основана на допущениях и часто делается путем экстраполяции показателей малых и непредставительных рынков аренды или предположения о стоимости актива для пользователя» [4, с. 82].

Много проблем создают и самооценки респондентами неравенства, благосо-

¹Дитон А., Заиди С. Принципы построения агрегированных показателей потребления в целях анализа благосостояния. [Электронный ресурс]. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPA/Resources/429966-1092778639630/DeatonZaidi-Russian.pdf> (дата обращения: 25.12.2015).

стояния и счастья. В частности, Дитон пишет: «Мы не всегда понимаем, что имеют в виду люди, когда отвечают на задаваемые им вопросы; есть сомнения относительно интерпретации одних и тех же вопросов разными людьми или людьми, проживающими в различных странах» [5, с. 65]. К примеру приводится очень тонкое замечание: американцы применяют слово «happy» чаще и в более широком смысле, чем французы «heureux», а жители Восточной Азии вообще не очень любят говорить о своем счастье [17].

Оценивая вклад Дитона в разработку методологии, методов и инструментария экономических исследований, специалисты отмечают, что в эпоху, когда многие честлюбивые экономисты разрабатывали гранд-теории о том, как расти и развиваться экономике, Дитон был внизу, на земле, пробираясь через массивы реальных эмпирических данных, выполняя тяжелую, непрестижную работу, убеждая нас в том, что мы получили факты непосредственно, напрямую¹.

И в заключении отметим, что проделанный нами анализ вклада нобелевского лауреата А. Дитона в развитие экономики как науки — эконометрики, макро- и микроэкономики — не претендует на полноту и завершенность, нами рассмотрены лишь основные направления его исследований, отмеченные Нобелевским комитетом. Более того, они представлены под определенным углом зрения — целесообразности использования результатов исследований, выводов и рекомендаций Дитона для решения насущных проблем развития экономики нашей страны. Совершенно очевидно, что некоторые выводы требуют дополнительной проверки, о чем неоднократно пишет сам нобелиат, с некоторыми вообще трудно согласиться, к примеру, об отсутствии в развивающихся странах гендерного неравенства, но необходимо согласиться с решением Нобелевского комитета, что заслуги Ангуса Дитона перед мировой экономикой действительно велики. Как каждый ученый, он имеет право на достижения, заблуждения и ошибки. Это наука.

Литература

1. Данилов-Данильян В. И. Глобальная проблема дефицита пресной воды // Век глобализации. 2008. № 1. С. 45–56.
2. Дитон А. Через тьму к светлому будущему / Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. М. : Изд-во Института Гайдара. 2016.
3. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М. : Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Москва», 2016.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015.
5. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес-Атлас, 2012.
6. Кенни Ч. Далеко идущие цели // Финансы и развитие. 2015. Июнь. С. 8–13.
7. Кенни Ч. Помощь и пособничество // Финансы и развитие. 2013. Декабрь. С. 54.
8. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
9. Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 5–31.
10. Никитин А. Путеводная еда // Коммерсант. Деньги. 2015. № 42. 26 октября.
11. Смирнов С. Как бороться с бедностью // Аргументы и факты. 2015. № 38. 16 сентября.

¹ Smith N.A Nobel for a Real-World Economist. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloombergvew.com/articles/2015-10-12/a-nobel-for-a-real-world-economist> (дата обращения: 25.12.2015).

12. Сорокин П. А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М. : Academia & LVS, 2003.
13. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М. : Наука, 1994.
14. Case A., Deaton A. 2015. «Rising Morbidity and Mortality in Midlife Among White Non-Hispanic Americans in the 21st Century». Proceedings of the National Academy of Sciences, 1–6.
15. Deaton A. (1989). Looking for Boy-Girl Discrimination in Household Expenditure Data // World Bank Economic Review 3 (1): 1–15.
16. Deaton A. (2005). Measuring Poverty in a Growing World (or Measuring Growth in a Poor World) // Review of Economics and Statistics. Vol. 87, N 1. P. 1–19.
17. Deaton A., Muellbauer J. (1980). An Almost Ideal Demand System // American Economic Review 70 (3): 312–326.
18. Piketty T. (2014). Capital in the Twenty First Century. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press.
19. Wierzbicka A. (1994). «Happiness» in cross-linguistic and crosscultural perspective» // Daedalus, 1994, 133 (2): 34–43.

References

1. Danilov-Danilyan V. I. *Global problem of deficiency of fresh water* [Global'naya problema defitsita presnoi vody] // Century of globalization [Vek globalizatsii]. 2008. N 1. P. 45–56. (rus)
2. Diton A. *Through darkness to bright future* [Cherez t'mu k svetlomu budushchemu] / In 100 years: the leading economists predict the future [Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvayut budushchee]. M. : Publishing house of Gaidar Institute [Izd-vo Instituta Gaidara]. 2016. (rus)
3. Diton A. *The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality* [Velikii pobeg: Zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva]. M. : Publishing house of Gaidar Institute; Fund Liberal Moscow [Izd-vo Instituta Gaidara; Fond «Liberal'naya Moskva»], 2016. (rus)
4. *The report on human development in the Russian Federation for 2015* [Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiiskoi Federatsii za 2015 god] / under the editorship of L. M. Grigoriev and S. N. Bobyliv. M. : Russian Government Analytical Centre [Analiticheskie tsentri pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii], 2015. (rus)
5. Kvint V. L. *The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke]. M. : Business Atlas, 2012. (rus)
6. Kenny Ch. *Far-reaching purposes* [Daleko idushchie tseli] // *Finance and development* [Finansy i razvitie]. 2015. June. P. 8–13. (rus)
7. Kenny Ch. *Help and complicity* [Pomoshch' i posobnichestvo] // *Finance and development* [Finansy i razvitie]. 2013. December. P. 54. (rus)
8. Mau V. A. *Crises and lessons. Economy of Russia during a turbulence era* [Krizisy i uroki. Ekonomika Rossii v epokhu turbulentnosti]. M. : Publishing house of Gaidar Institute [Izd-vo Instituta Gaidara], 2016. (rus)
9. Mau V. *Social and Economy Policy of Russia in 2014: exit to new boundaries?* [Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Rossii v 2014 godu: vykhod na novye rubezhi?] // *Economy questions* [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 2. P. 5–31. (rus)
10. Nikitin A. *Guiding food* [Putevodnaya eda] // *Kommersant. Money* [Kommersant. Den'gi]. 2015. N 42. October 26. (rus)
11. Smirnov S. *How to fight against poverty* [Kak borot'sya s bednost'yu] // *Arguments and facts* [Argumenty i fakty]. 2015. N 38. September 16. (rus)
12. Sorokin P. A. *Hunger as factor. Influence of hunger on behavior of people, social organization and public life* [Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nuyu organizatsiyu i obshchestvennyu zhizn']. M. : Academia & LVS, 2003. (rus)
13. Sorokin P. A. *Public textbook of sociology. Articles of different years* [Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let] / Institute of Sociology [In-t sotsiologii]. M. : Science [Nauka], 1994. (rus)
14. Case, Anne, and Angus Deaton. 2015. «Rising Morbidity and Mortality in Midlife Among White Non-Hispanic Americans in the 21st Century». Proceedings of the National Academy of Sciences, 1–6.

15. Deaton A. (1989). *Looking for Boy-Girl Discrimination in Household Expenditure Data* // World Bank Economic Review 3 (1): 1–1
16. Deaton A. (2005). *Measuring Poverty in a Growing World (or Measuring Growth in a Poor World)* // Review of Economics and Statistics. Vol. 87, N 1. P. 1–19.
17. Deaton A., Muellbauer J. (1980). *An Almost Ideal Demand System* // American Economic Review 70 (3): 312–326.
18. Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty First Century*. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press.
19. Wierzbicka A. (1994). «*"Happiness" in cross-linguistic and crosscultural perspective*»// Daedalus, 1994, 133 (2): 34–43.